

Михаил Чуклин

Рыцарь и его ведьма

Михаил Андреевич Чуклин

Рыцарь и его ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096596

ISBN 9785448552410

Аннотация

Рыцарь, вернувшийся из похода в Святую землю, знакомится с девушкой, которую обвиняют в колдовстве. Против её воли он решает спасти её. А дома его ждет красавица-жена, которую он не видел более 10 лет, деспотичный отец и сослуживец, умирающий от простуды. В наше время студент из категории вечных романтиков пытается найти свое место в жизни. На одной из литературных встреч он знакомится с девушкой ослепительной красоты. И его не покидает чувство, что он уже где-то ее видел...

Содержание

Встреча	5
Часть 1	5
Встреча	9
Часть 2	9
Дома	20
Часть 1	20
Дома	25
Часть 2	25
Больной друг	30
Часть 1	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рыцарь и его ведьма

Михаил Андреевич Чуклин

© Михаил Андреевич Чуклин, 2017

ISBN 978-5-4485-5241-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Встреча

Часть 1

Костер тихонько потрескивал... Немолодой человек с сединой в волосах сидел вблизи него и наблюдал за движением огня. Позади него темной грудой валялось рыцарское облачение и щит. Меч находился рядом с правой рукой.

Снаружи лил дождь, но в пещере было сухо и тепло. Иногда ветер проникал внутрь, тогда костер недовольно шипел, а тени бегали по стенам. Рыцарь молился.

Наверно, поэтому он не сразу заметил девушку, которая вошла в пещеру, еле держась на ногах.

– Стой, кто идет? – вскричал рыцарь и схватился за меч: в полутьме он увидел только смутный силуэт.

– Добрый господин! – прошептала странница, но рыцарь ее не услышал. Впрочем, теперь он разглядел, что его гость – безобидная девушка, поэтому отложил меч и показал знаком, чтобы она села рядом.

– Замерзла? – спросил он и устыдился глупого вопроса: зуб на зуб у девушки не попадал.

Рыцарь отыскал позади себя мантию с вышитым крестом и укутал ей незнакомку. Она села поближе к огню. Рыцарь поднял с пола походный котелок с водой и дал отхлебнуть

страннице. Вода уже успела остыть, но и этого хватило, чтобы немного согреться.

Рыцарь наблюдал, как постепенно к лицу незнакомки возвращается цвет, как ее губы напухают, становясь из мертвенно-синих розовыми, как скулы перестают дрожать, а глаза постепенно закрываются.

Так и уснула странница в тепле на коленях у приютившего ее рыцаря...

...А проснулась от резкого звука.

– Всё в порядке, – сказал рыцарь. – Это просто гром бьет.

Девушка ощупала все вокруг себя и поняла, что лежит завернутая в мантию крестоносца, а под головой у нее – вещевой рюкзак рыцаря.

– Кто ты? – спросила девушка.

– Меня зовут Себастьян. Я возвращаюсь из похода в Святую землю.

– Мое почтение, сэра Себастьян! – девушка попыталась выбраться из мантии.

– Лежи, лежи, грейся! – остановил ее Себастьян. – И не говори мне: «сэр». Пусть я лорд, но для тебя – простой крестоносец.

– А как же ты стал рыцарем? И где твоя армия?

– Это долгая история, и я как-нибудь ее тебе расскажу. А теперь ты ответь: кто ты такая и что ты делала в лесу в дождь одна?

Девушка помедлила, но потом сказала:

– Меня зовут Амелия, и я... Знахарка.

Себастьян вскочил с места, подбежал к Амелии и с наслаждением впился ей в губы. Он почувствовал, как сладкая истома побежала по его телу, как девушка сначала робко, потом страстно ответила на его поцелуй... Через миг он обнаружил себя сидящим у костра, а Амелия продолжала:

– ...Но чума убивала всех подряд, и в этом обвинили меня... А я пыталась лишь помочь... Они пришли с факелами и собаками, так ужасно это было... Мне пришлось бежать, и вот я здесь.

Себастьян готов был поклясться, что он целовал эту девушку. Но, похоже, это просто ему привиделось. Вот что значит не спать по ночам и мечтать о несбыточном...

– А куда ты идешь? – после молчания спросила Амелия.

– Домой. Я иду домой.

– Возьми меня с собой. Я не ведьма, клянусь! Я буду готовить, стирать...

– Мне ничего не нужно. Я все могу сам. Я пятнадцать лет провел в походах. И я хочу домой.

– Я провожу тебя до дома. Если хочешь, я даже стану твоей женой...

– У меня уже есть жена. И она ждет меня, я знаю. А мой дом в одном дне пути отсюда. К вечеру я буду уже там.

Себастьян улыбнулся. Амелия вылезла из-под мантии и рухнула на колени перед рыцарем.

– Я совсем одна, – прошептала она умоляюще. – Совсем,

совсем... Мне некуда пойти! Возьми меня с собой!

– Ну куда я тебя с собой возьму!

– Скажи, что я твой оруженосец. У тебя ведь есть еще доспехи?

– Только рубашка, – неохотно ответил Себастьян.

– Я переоденусь, я мигом переоденусь... Я же сойду за мальчика? Только волосы надо обрезать... Скажешь, что меня зовут Ганс или Роберт... Что ты подобрал меня в Святой земле...

И Амелия стала стаскивать с себя платье. Оно было тяжелое и мокрое.

– А что потом?

– Потом?

Амелия стояла перед Себастьяном в одной ночной рубашке. ее колотила дрожь. Рыцарь взял мантию и укутал в нее девушку по плечи.

– Ты замерзнешь. Нет, тебе нельзя со мной. Нельзя.

– Пожалуйста! Прошу тебя... – Амелия так искренне, так умоляюще заглянула в глаза Себастьяну, что он с трудом переборол в себе желание еще раз... или в первый раз?... поцеловать девушку.

– Хорошо, – наконец, сдался он. – Я доведу тебя до своей деревни. А потом ты пойдешь восвояси. Договорились?

Амелия кивнула. Она была счастлива...

Встреча

Часть 2

Меня совершенно не тянуло на эту тусовку. Конечно, поэзия, это хорошо, но что-то ее стало слишком много в последнее время. По ночам я переводил Шекспира, задавшись целью перевести все его сонеты и выпустить книжку. Я, конечно, понимаю, что уже многие поэты, гораздо более талантливые и усидчивые, чем я, давно это сделали, но все же...

Но все же, но все же... – эти три слова вообще могут объяснить любые, даже самые нерациональные поступки. Но все же я пошел.

День, конечно, как ему и водится, не задался с самого утра. Проснувшись, я первым делом поспорил с собственным котом – он спал на моих тапочках. Доставая из холодильника яйца и надеясь приготовить омлет, я разбил оные, и пришлось переодеваться. Потом обнаружилось, что яиц нет, и пельмени нигде не завалялись, и пришлось идти в магазин.

Сначала не могли найти деньги, затем выяснилось, что ближайший магазин закрыт на учет (вроде не 90-е на дворе), а в супермаркете была огромная очередь. А еще на выходе из него воткнули огромную елку, которую не обойти не объ-

ехать. Я долго на нее смотрел. И тут до меня дошло: скоро Новый год!

Новый год – праздник, конечно, хороший, семейный, но мне его не с кем было встречать. В этом городе я жил совсем-совсем один. Родители два года назад переехали на работу в закрытый город в соседнюю область, а квартиру временно оставили мне, высылая деньги раз в месяц. В общем, жил и учился я как простой среднестатистический студент. Учился ни шатко ни валко, больше писал стихи, водился с местными поэтами (как официальными, то есть входящих в городское поэтическое объединение, так и не очень – то есть, с теми, с кем можно было попить пиво на кухне далеко за полночь, позубоскалить, похохотать и обсудить заодно, почему Пушкин не опубликовал 10 главу «Евгения Онегина» и куда ее вообще дел, а также выяснить, в чем особенности идиостиля Достоевского и почему школьники его так не любят, а ведь в нем масса мыслей и чувств), а также шатался по городу и его окрестностям, выискивая разные разности.

Одной такой лично моей достопримечательностью был красивый спуск к реке. Точнее, там спуска не было. Там был откос. А река была метрах в пятидесяти под ногами. Короче, это был обрыв за заброшенной фабрикой.

Смотришь вниз – а там далеко внизу деревья качаются, будто зеленый ковер, и ничего не видно, что там под ними, и так страшно, что даже дух захватывает.

А вообще, высоты я боюсь. Когда смотрю вниз с обрыва – даже пятки чешутся, честное слово! Но что поделаешь! Я решил закалять свой характер. Закалял же Павка Корчагин – чем я хуже? Поэтому раз в неделю приходил на обрыв, пять минут пялился вниз, пока голова окончательно не начинала кружиться, потом садился на пенечек (там у края обрыва был такой удобный пенек) и начинал – либо мечтать, либо писать, либо то и другое. Ну, еще иногда я спал (не зимой, конечно).

Я мечтал привести к этому обрыва кого-нибудь и показать этому человеку всю эту красоту, подарить ему (или ей) это бесконечное небо, лес под ногами (вы когда-нибудь видели лес под ногами?), тонкую нить реки и все, что до горизонта – траву и редко разбросанные домики. А еще облака. Облака здесь были потрясающие. Когда лежишь на земле и смотришь на них, кажется, что ты взлетаешь, что ты видишь, как они движутся, как они изменяются, принимая причудливые формы – то ли как жир в бульоне, то ли как снежинки в пургу.

А еще этот ветер! Он так приятно щекочет пятки, если снять ботинки!

Мысль о лете вызвала сосание под ложечкой. Я поплотнее надвинул шапку на лоб и выскочил из подъезда...

...Громыхающий трамвай уже закрывал двери, но я успел протиснуться между створками. Сунув десятку сонному кондуктору, я сел к окну, вынул плеер с наушниками и погрузился в музыку до самой остановки.

Люблю я музыку! Хотя и ругают меня, что уши можно испортить, все равно слушаю. Уши можно хоть чем испортить. Если, особенно, в них зубочисткой ковырять. Вон, ди-джеи или звукооператоры всю жизнь в наушниках – и ни жалуются. Работа у них такая. Романтика называется. Я вот на программиста учусь – какая у меня может быть романтика? Вот и спасаюсь музыкой.

Вообще, я сильно жалел, что учился там, где учился. Не лежала у меня душа к цифрам. Ну вот что такое цифры? Это изобретение только исключительно ума человеческого. В природе нет ничего похожего на цифры. Это просто абстракция. Если сложение еще имеет под собой какую-то природную основу ($1+10$ равно стадо), то вот вычитание? Вот что природа вычитает? А деление? В математике если что-то разделишь, в итоге меньше станет. В природе если же делить (клетку, например), то ее, наоборот, становится больше. А умножение? А все эти логарифмы и функции? Я все еще жду того дня, когда мне пригодится умение высчитывать логарифм и применить в жизни теорему Ферма.

Другое дело язык... или музыка... Вот они – природны. Язык – предмет и способ человеческого общения – родился в результате естественных фонетических процессов. У человека есть гортань, приспособленная для говорения – вот мы и говорим. А музыка... Ну вы вслушайтесь в гармонию! Семь или четырнадцать нот – какая разница? Музыка – звук. А звук взят от самой природы, от Бога, если угодно!

Помните – вначале было Слово?! В начале всех миров что-то звучало, а вовсе не складывалось или умножалось. Вообще, в начале времен всю математику можно было смело посылать к черту. Закон сохранения энергии? Ха! Закон сохранения массы? Ха! Мир был создан из ничего, по воле Слова!

Жили бы в начале миров Ньютон с Евклидом, с ума бы сошли от того, что все их законы нарушаются! Один Эйнштейн бы, наверно, не свихнулся бы. У него относительность. Ну, еще и Лобачевский. У него есть параллельные прямые, которые пересекаются... Где-то там... На остановке Дома культуры.

А вот и моя остановка!

Холл Дома культуры. Я предъявил вахтеру свой пропуск (без бумажки – мы букашки, а с бумажкой – человеки!) и проследовал в комнату городского литературного объединения.

Когда-то я мечтал стать членом какого-нибудь лито, хотя бы самого захудалого, зато – официального. В итоге, я стал, но радости от этого особой не испытывал. Наверно, потому что понял – и среди поэтов (казалось бы, куда уж духовнее люди, чем поэты, – ну, еще священники, естественно), точнее, и в среде поэтов оказалось полно подковерных интриг, измен, подстав и прочих тайн Мадридского двора.

Ходил я сюда больше по привычке. Не все же с однокурсниками болтаться, надо и умных людей послушать!

К тому же у меня было новое стихотворение. Мою поэзию, конечно, давно не понимали и даже уже не критиковали (смирились – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не постмодернизмом), но читать хотелось. К тому же сердце мое было в очередной раз разбито, и надо было выговориться.

Если честно, я недавно буквально встал из могилы. Сбившая меня машина полностью перевернула мой уютный домашний мирок, показав оскал бледной старухи с косой... Точнее, со шприцом и костылями. Но слава Богу, все обошлось, костыли негодились (молодой организм – говорили врачи, ну и спасибо тебе, родной мой молодой организм!), нога срослась, ушибы на голове тоже, зато мозгов прибавилось (хотя я думал, что после сотрясения количество мозгов убавляется). Видимо, удар что-то переключил в моей голове. Нет, призраков я видеть не стал, будущего тоже, да и, кажется, стаканы взглядом двигал тоже не я, но вот на мир я поглядел по-другому. И свою девушку, которая ко мне даже ни разу не пришла, пока я лежал в больнице, я простить не смог, хотя и сказано: прощайте и не судите. Мне показалось, что с ее стороны – это наглость. И все слова, которые она мне говорила, пришлось забыть.

Наверно, не зря я ее на обрыв так и не сводил. Три раза собирался, и все никак не получалось. Ну и Бог с ней, с девушкой этой. Вот только стихи родились в больнице. Как водится, больные. Однако хотелось ими поделиться. Чтобы не только у меня одного шиза была.

Итак, я вошел в помещение. По своему старому обычаю я, естественно, опоздал, поэтому все уже сидели за столом и пили чай. Была такая традиция у поэтов – при встрече накрывать стол и пить чай. Вот они сидели и пили. Я тихонько пробрался на край стола и тоже стал пить чай, шепотом разговаривая с соседями, пока все остальные по кругу читали стихи. Это тоже была такая традиция – читать стихи за кружкой чая. Традиция давняя, еще от Пушкина идет (помните: «Выпьем, няня! Где же кружка?»). Стихи меня не особо заинтересовали (в отличие от чая и конфет), но когда очередь дошла до меня, я прочитал.

Сейчас не помню, что читал (потерял этот листик), но читал я громко, с выражением, и написанное казалось мне верхом гениальности. Но я не понимал, почему никто меня не слушает, а все сидят, пьют чай с конфетами и шепотом разговаривают с соседями? Короче, я даже не дочитал до конца, прервав на полуфразе, но все зааплодировали и заахали – никто даже не понял, что я до конца не дочитал.

Я сел на свое место в расстроенных чувствах и просидел до конца вечера. Так бы и ушел, но внезапно за дальним концом стола увидел свою давнюю знакомую. Она сидела, допивала чай и так задумчиво смотрела в потолок, что я не удержался. Я подошел к ней – она была такая хрупкая и беззащитная, девочка только, – что я не удержался и обнял ее сзади за плечи и взглянул на то, что оказалось у нас обоих перед глазами: стулья, сливающиеся со стеной, яркую лампочку,

блестевшую не только под потолком, но и заодно на паркете, потертый желтый диван, буфет, в котором помещались, как в пасти, чайные принадлежности, пейзаж в запыленной рамке и на мотылька, кружащегося по комнате как сумасшедшего, поскольку свет его давно не привлекал, в отличие от выхода, но вот выхода нигде не было...

Минута была как вечность. И она положила свои шершавые ладони мне на руки и обернулась ко мне.

– Привет.

Я отнял свои руки и сказал:

– Привет. Как дела?

Затем я присел на корточки, чтобы наши головы оказались на одном уровне.

– Никак, – ответила она. – Я отменила свадьбу.

И тут у меня как искра в голове сверкнула – инсайт, так, кажется, называют это психологи. Я вспомнил – она уезжала, потому что влюбилась в какого-то хлыща, кажется, даже уехала, или нет, я не знал, потому мы с ней почти никогда не общались, по крайней мере, я, хоть и жили по соседству, в домах наискосок через улицу, она – в доме, который строили поляки (жившие, кстати, за чертой города в так называемом «польском городке»), потом бросили, и достраивали наши, и накосячили, и перестраивали что-то там, а я – в доме, построенном на осушенном болоте, панельном таком, типовом, родители-инженеры от предприятия получили, и учились в одной школе, правда, она была на три (или

четыре?) класса меня старше, и это казалось в то время такой огромной разницей, и хотя я общался со всеми ее одноклассниками (мы в школьной команде КВН вместе играли, и, кстати, в свое время в городской лиге заняли второе место, проиграв лидерам с разницей в 0,5 балла), но с ней был почти не знаком, почти не общался, хотя были и общие друзья, и общие учителя, а зря, ведь она была самой красивой девочкой в школе, да еще к тому же отличницей, не получившей золотую медаль исключительно из-за своей принципиальности (кстати, благодаря своей принципиальности я в 11 классе золотую медаль все же получил), потому что не желала подвести свою подружку, о которой говорили: оторви и брось! – а по мне так именно те, про кого говорят: оторви и брось! – заслуживают самого лучшего, потому что добиваются всего вопреки всему, только вот их энергию надо направить в нужное русло...

– Свадьбу?

– Едва не вышла замуж. – Она чуть улыбнулась.

И тут меня поразила вторая вспышка: мне показалось, что я ее держу за руку и показываю свой обрыв, что я потом целую, что мы потом вместе, что я потом сижу рядом с детской кроваткой и пою какую-то песенку, а потом – что-то еще, и в конце – свои собственные похороны, и наши могилки рядом, и на них первые даты – разные, но последняя – одна. Нет, видимо, при падении что-то с головой случилось.

– Понятно, – сказал я. – Живешь там же?

– Да.

– Пошли, я тебя провожу.

Не знаю, зачем я это сказал. Наверно, на автомате. Я помог ей одеться (на ней было шикарное зеленой пальто, и в нем она казалось такой очаровательной и юной, такой женственной, словно пришедшей из начала XX века Прекрасной дамой, по которой сходил с ума Блок, или тем идеалом, который судорожно искал Бодлер в узких переулках Парижа, или той Линор, о которой грезил По, или М.Б., которую обнимал Бродский, или К., которой строчил в альбом стихи Пушкин, или Лаурой, служению которой посвятил всю свою жизнь Петрарка, превратив саму свою жизнь в книгу поэзии – словом, она была словно Муза, пришедшая в это время из туманного прошлого... даже не пришедшая – словно туман времени сам ее сформировал, вылепил из своей плоти – и была она плоть от плоти земли и одновременно плоть от плоти воды и неба, и все же, и все же...).

– Ты идешь? – она шутливо толкнула меня локтем, надевая перчатки.

Я в своей куртке казался рядом с ней, такой красивой и стройненькой, круглым и пузатым (ну, куртка была набита синтепоном под самое не хочу, зима была суровая). Но я поборол свою робость и стыдливость и даже предложил ей руку. Она осторожно взяла меня под локоть, и мы так вышли из Дома культуры.

Путь нам предстоял неблизкий, но трамвай мы единодуш-

но отвергли, решив идти домой вдоль леса. Зимний лес, особенно хвойный – вещь чудесная. Природа сама с собой в гармонии: белое и зеленое отличное смотрится. Белое – символ зимы, а зеленое – символ лета. К тому же снег, висящий на ветках похож... нет, не на вату (что за больничное сравнение!), а на серебро. А серебро не опишет простыми словами...

Мы шли вдоль леса, и она рассказывала мне о своей жизни, а я о своей, и все было такое снежное и ласковое... А снег хрустел под ногами, а другой снег кружился в небесах, а третий снег медленно таял в моей груди...

Дома

Часть 1

Себастьян с наслаждением вдохнул воздух. «Это дом! – подумал он. – Нигде так вкусно не пахнет свежей травой, навозом и молоком! Я уже решил, что никогда не услышу этот запах. В последние лет десять я ощущал запах исключительно стали, крови и горелой плоти»...

Амелия, закутанная в плащ крестоносца, шла поодаль. Себастьян не оборачиваясь чувствовал ее взгляд в спину. Но что он мог ей предложить? Да, она – худая и востроносая – вполне могла сойти за мальчика. Но что потом? Обман когда-нибудь раскроется. Достаточно кому-то увидеть ее голой... Или обнаружить в туалете... Себастьян не мог так рисковать. Мало того, что ее ищут, потому что она колдунья, так еще и родная жена может неправильно понять.

Так и не решив, что делать с Амелией, Себастьян уже тронул плетень ближайшего дома. Он вздрогнул от ощущения этого шершавого дерева. «Боже милостивый! Да святится имя Твое!» – прошептал он...

По деревне суетились деловитые женщины, носились с деревянными мечами мальчишки, ошалевшие куры и гуси шарахались от их крика. Себастьяна нагнала повозка, запря-

женная двумя волами. В телеге сидела женщина. Она взглянула на Себастьяна, затем на унылую Амелию, хмыкнула, хлестнула волов и помчалась дальше. Крестonosец обернулся к девушке и произнес:

– Вот моя деревня. Все, теперь уходи. Ты обещала.

Амелия сделала движение, чтобы уйти, но внезапно схватила Себастьяна за руку.

– Что такое?

– Это они! – прошептала девушка и указала пальцем на двоих дюжих мужчин, которые топали по деревне, пристально осматриваясь и заглядывая поверх заборов. – Они меня найдут и убьют!

– Накинь плащ на голову, – приказал Себастьян. – И держись поближе.

Мужики прошли мимо, смерив взглядом крестonosца. Тот ответил им таким угрожающим взглядом, что они отшатнулись. Поглядев на закутанную фигуру, они ничего не ответили, только пошептались и двинулись дальше.

А Себастьян и Амелия пошли своей дорогой. У самого своего дома крестonosец сказал:

– Ладно. Идешь со мной. Скажу, что ты моя пленница из Святой земли.

Амелия раскрыла рот, но возражать не стала. А Себастьян, глубоко вдохнув воздух, отворил калитку и вошел во двор. Там никого не было. Себастьян начал подниматься по крыльцу и услышал женский голос, который заставил его

сердце биться сильнее:

– Кто там? Кристиан, это ты?

– Это я, Луиза, твой муж!

– Боже мой!

Луиза – Себастьян сразу узнал ее, хотя и не видел пятнадцать лет – выскочила из дверей и бросилась на шею крестноносцу.

– Я знала, я знала, я знала, – заливаясь слезами и стискивая мужа в объятиях, зашептала она.

Себастьян неловко обнял ее за спину и закрыл глаза. Как долго он ждал этого момента, как сильно он желал быть с ней рядом! Когда он ушел в поход, Луизе было всего двенадцать лет, и она была совсем девчонка. Сейчас он сжимал в объятиях свою любимую, она была старше, она выглядела взрослой женщиной, но от этого она была еще прекрасней и желанней.

Он внес ее в дом, захлопнув дверь, совсем забыв об Амелии. Она постояла немного на пороге, послушала их радостные восклицания, а затем потихоньку пошла со двора...

Себастьян вспомнил о ней только самым вечером, когда уже было темно. Он даже вышел с лучиной поискать ее, думая, что она забралась на сеновал или схоронилась в конюшне. Но нигде ее не было. «Глупая девочка, – подумал Себастьян. – С утра найду ее, никуда не денется».

Он вернулся в спальню. Луиза сидела у зеркальца с лучиной и делала прическу.

– Ну не заходи пока! – игриво сказала она.

Себастьян вышел. Он вновь прошелся по дому, где каждая деталь напоминала ему о детстве. Конечно, за годы отсутствия многое изменилось, но старый кованый сундук как стоял у стены, так и стоял. И те же самые иконы укромно притулились в уголке. И тот же ковер, купленный в Персии дедом, красовался на стене. И те же стулья, выточенные Себастьяном вместе с отцом, стояли в столовой за обеденным столом.

– Себастьян! – позвала мужа Луиза.

Он вошел в комнату. Она стояла к нему лицом, с собранными волосами, абсолютно обнаженная, и улыбалась. Себастьян даже потерял дар речи.

– Я ждала тебя каждый день, – сказала Луиза, – я берегла себя ради тебя. Мы провели с тобой только одну ночь, так позволь мы сделать нашу с тобой вторую ночь незабываемой...

Она подошла к нему, стянула с него холщовую рубашку и страстно поцеловала в губы. Он ответил на поцелуй и просто впился в нее... А потом он просто потерял контроль над собой...

...Проснувшись ночью, Себастьян привычно потянулся к поясу за флягой, так как хотел пить. Но вместо фляги его рука нащупала ладонь жены. Луиза мирно спала, уткнувшись ему в плечо.

«Вот я и дома, – подумал Себастьян со странным спокой-

ствием. – Меня не разбудит крик: „В атаку!“, меня не зарежет арабийский асассин, пока я сплю...»

Он высвободился из объятий Луизы и потихоньку ускользнул в столовую, натянув рубаху и шорты. Без доспеха чувствовал себя словно без одежды, без меча – как без рук. Что-то ударило в стекло – он дернул руку к поясу, хватая воздух вместо рукояти меча.

«Ты воин. И кроме войны ты ничего делать не умеешь, – подумал он. – Это, наверняка, ветка или ночная птица. Здесь нет войны. Здесь мир и здесь твой дом».

Себастьян достал из подпола глиняный кувшин с молоком и сел на стол, отхлебывая прямо из сосуда. Внезапно он поймал себя на мысли, что думает об Амелии. Об ее губах. Об ее поцелуе. «Боже всемогущий! Ты только что провел замечательную ночь с женой, с любимой женщиной, а думаешь не о ней!».

Себастьян допил молоко и вернулся в постель. Но даже засыпая в тепле и уюте, рядом со столь желаемой и обожаемой на расстоянии женщиной – законной женой, ждавшей его пятнадцать лет и дождавшейся, – он думал об Амелии...

Дома

Часть 2

Написание игр было моим хобби. Я любил создавать новые миры, и создание новых игр, в которых бы все было по моему, являлось прекрасной возможностью продемонстрировать свой талант демиурга. Наверно, инстинкт создавать что-то новое есть в каждом человеке, но проявляется по-разному. Кто-то пишет картины, кто-то придумывает романы, кто-то сочиняет музыку, кто-то ваяет скульптуры... К сожалению, иных талантов, кроме как писать стихи и придумать казуальные компьютерные игры, у меня не было, поэтому я использовал их на полную катушку.

Кстати, о создании миров... Мы все, наверно, хотим быть немного богами, повелевать судьбами вселенной... И каждое созданное нами произведение искусства – от рассказа до мелодии – является неким таким микрокосмом, обладающим собственной историей, философией, концепцией развития, героями, физическими законами и имеющим несколько реальных точек соприкосновений с нашей реальностью (ну, эти точки существуют чисто для того, чтобы мы могли соприкоснуться с этим микрокосмом и постичь его разумом либо чувством).

Может быть, создание чего-то нового – желание увековечить себя в истории, в мире? Человеческая жизнь так коротка. Что человек успевает за 54 года (по статистике, именно столько сейчас живут представители нашего вида)? Да ничего. Он только к 20 формируется как личность, к 30 что-то там начинает понимать в жизни, к 40 начинает понимать, что ничего не понимает, к 50 начинает понимать, что никто не понимает, что никто из живущих на Земле не понимает ничего в жизни, а после 60 и умирать пора... Где тут разогнаться? Торопишься все успеть, всего постичь... Жизнь – она-то, по ходу, дана один раз. Хорошо индусами и буддистам – у них сансара есть. Можно хоть сто жизней прожить – и нырк в нирвану. А что делать остальным, христианам там, мусульманам? У них душа-то человека бессмертна, и как человек умрет, так и лежит в земле (душа то есть, лежит, замурованная в человеке, как в ящике), ничего не видя и не слыша, до самого Страшного суда...

В общем, я сидел, писал программу и вспоминал... Вчера был чудесный вечер... Я проводил ее, всю заснеженную и белую (даже ресницы были белые, словно хрустальные, а кончики меха на ее воротнике настолько заиндевели, что казалось – тронь, и они сломаются, как хрупкие сосульки) до самого подъезда ее дома. Она показала мне свое окно (в ее комнате не горел свет), а затем помахала мне ладонью в белой от снега варежке. Мне вдруг захотелось обнять ее еще раз, я даже двинулся ей навстречу, чтобы это сделать, но что-

то меня остановило, но и она, похоже, ничего не заметила или, по крайней мере, сделала вид, что не заметила, да и я даже был рад, что все так и получилось (то есть, не получилось).

В общем, я сидел, писал игру и мечтал. Даже не заметил, как допустил ошибку в коде, и все никак не понимал, почему проклятый компилятор привязался к 441-ому лайну с коронной фразой: «Syntax error».

Внезапно в дверь позвонили... Вот дурацкая фраза: ну как могут в дверь позвонить? В нее даже постучать не могут. А вот «по» очень даже могут: «по двери постучали», но почему-то так никто не говорит. Правильно говорить не «в дверь позвонили», а «нажали на кнопку звонка, и раздался, собственно, звонок», но так тоже никто не говорит. И еще говорят: «Позвони по телефону»... Ну как по телефону позвонить? Надо говорить: «Набери номер на телефоне» или «позвони по номеру». Это все равно, что «пообедай столом», а не «пообедай за столом»...

В общем, кто-то нажал на кнопку звонка, и раздался звуковой сигнал. Я нехотя встал с места и пошел открывать.

На пороге стояла она – улыбалась, и я улыбнулся.

– Привет. Можно к тебе?

– Проходи. Только у меня не прибрано.

Ненавижу прибираться. Какой в этом смысл, если на следующий день после уборки будет тот же бардак?

– Вот сюда.

Я помог ей снять пальто и шаль, она разулась, и я привел ее к компьютеру, плюхнулся на стул, а ей указал на кресло рядом. Она присела, собрав ног, и это выглядело очаровательно. У меня как раз перегорели лампочки на люстре (или полетел где-то там предохранитель), поэтому горела только настольная лампа, создавая мягкий неяркий свет, и все искажалось в этом свете, и создавался такой уют, и она такая красивая сидела в кресле, что все мое плохое настроение, вызванное дурацким компилятором с его «Ошибкой в синтаксисе», мгновенно улетучилось в трубу, подобно Санта-Клаусу, вспугнутому проснувшимся ребенком, или ведьме, обнаружившей, что она забралась через трубу в дом священника.

Много лет спустя я жалею, что не предложил ей чаю. Наверно, она замерзла. Она пришла ко мне в гости, чтобы взять у меня почитать мой сборник стихов, который я опубликовал недавно. (Кстати, я серьезно так и подумал, что она пришла исключительно за сборником.) Я почитал ей немного стихов (среди них были и колыбельные, написанные для моей будущей дочки – как они родились, это отдельная история; я сидел как-то в одиночестве посреди ночи на чердаке на родительской даче, и на душе было какое-то светлое, теплое чувство, и звезды были такие большие и волшебные, что мне казалось, я мог прочесть по ним свою судьбу, хотя никогда особо одаренным звездочетом себя не считал, но все же, но все же, – но все же я представил себя сидящим там, на чердаке, с маленьким пищащим кулечком на руках

и поющем ему, кулечку этому, песенку, и мне вдруг как в голову вдарило – инсайт опять, похоже – и я сел и написал с десяток стихотворений, который потом озаглавил: «Колыбельные для дочери»). Кстати, всю эту историю, изложенную в предыдущем предложении, и моей посетительнице рассказал (не знаю, почему, может быть, потому что, когда она сидела рядом, меня охватило похожее чувство, подобное тому, когда я сидел на чердаке и нянчил воображаемую ляльку?).

Ее визит окончился через полчаса. Я вручил ей сборник и буквально вытолкнул за дверь. Почему? Побоялся, что еще чуть-чуть, и я ее обниму, а потом поцелую...

И эта боязнь меня остановила.

Больной друг

Часть 1

Наутро Себастьян велел седлать коня.

– Куда ты собрался? – спросила его Луиза.

– Надо проведать отца. И заглянуть по пути к управляющему.

– Твой отец живет в трех днях пути отсюда. Может быть, ты как-нибудь в другой раз к нему съездишь? Он тебя пятнадцать лет ждал, еще чуть-чуть подождет. А я, между прочим, по тебе соскучилась.

Себастьян задумался.

– Отец, в принципе, никогда меня особо не любил, – сказал он, наконец. – И, наверно, не особо и ждет. Знаешь, я отправлю к нему гонца, извещу, что я приехал, и попрошу у него исполнить его обещание.

Луиза, тяжело вздохнув, кивнула.

– Твое обещание стоило нам обоим пятнадцати лет жизни.

– Только так я мог получить свое баронство.

На крыльце раздался шум, и в дом ворвался Кристиан – старший брат Себастьяна – и с порога прокричал:

– Ты вернулся, братишка, и ничего мне не сказал!

Братья заключили друг друга в объятия.

– Когда ты вернешься? – спросил Кристиан. – И почему сразу не послал за мной?

– Я не знал, что ты в деревне...

– А где ж мне быть? Отец назначил меня новым управляющим...

Себастьян непонимающе посмотрел на брата.

– Почему тебя?

Кристиан пожал плечами.

– Прежний управляющий оказался редкостным мотом и транжирой. Его на охоте загрызли собаки – говорят, он был такой жирный, что они приняли его за кабана. Вот отец и поставил пока меня – до твоего возвращения. Знаешь, за весь прошлый месяц он мне все уши прожужжал, что ты вот-вот на днях вернешься. Он велел тебе сразу же прибыть. Он очень по тебе соскучился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.